

Письма къ читателямъ.

Немного найдется вопросовъ, которые бы вызывали такія противорѣчивыя рѣшенія и такую путаницу въ понятіяхъ, какъ вопросъ объ аскетизмѣ. Мрачный фанатизмъ темнаго монаха и сознательное воздержаніе духовно-развитаго мыслителя, безцѣльныя самоистязанія индусскихъ факировъ и проповѣдь о самоусовершенствованіи нашего Льва Николаевича Толстого—все это сводится къ одному, къ одной и той же идеѣ „аскетизма“. И передъ этой идеей одни простираются во прахъ, признавая въ ней величайшій подвигъ, другіе же смѣшиваютъ ее съ грязью, считая враждебной истинному прогрессу. Среди безконечныхъ отгѣнковъ мнѣній, относящихся до аскетизма, на двухъ противоположныхъ концахъ стоятъ: церковный взглядъ и взглядъ матеріалистическій. Первый видитъ въ монашескомъ аскетизмѣ только духовный подвигъ, не останавливаясь на его отрицательныхъ сторонахъ, второй, наоборотъ, отыскиваетъ однѣ только отрицательныя стороны, проходя безъ всякаго вниманія мимо психологіи тѣхъ великихъ подвижниковъ, къ которымъ нельзя относиться безъ глубокаго уваженія, и какъ бы не замѣчая, что къ такому явленію не слѣдуетъ подходить съ одной только общественной мѣркой, что его нельзя рѣшать безъ пониманія тѣхъ глубокихъ душевныхъ процессовъ, изъ которыхъ возникаетъ тяга къ уединенію, исканіе подвижничества, потребность созерцательной жизни.

Если разсматривать монашескій аскетизмъ съ серьезнымъ вниманіемъ, передъ нами развернется длинный рядъ его ступеней, начиная съ вершины, на которой, сіяя совершенствомъ, стоятъ святые всѣхъ временъ и народовъ, и кончая мрачными потемками, гдѣ притаились изувѣрство и человѣконенавистничество. И если исключить великихъ подвижниковъ, психологія которыхъ сама по

себѣ представляетъ такой глубокой интересъ, что ее не хотѣлось бы затрагивать мимоходомъ, а съ другой стороны—всѣхъ, кто только внѣшнимъ образомъ примыкаетъ къ монастырю, есть въ монашескомъ аскетизмѣ одна общая черта, которая основана на невѣрномъ представленіи о тѣхъ интимныхъ процессахъ, которые совершаются въ борющейся душѣ аскета. Черта эта—стремленіе *уничтожить* низшую природу, заклясть, побороть ее постомъ и молитвами, и это стремленіе играетъ такую первенствующую роль въ монашескомъ аскетизмѣ, что вся его психологія сводится, въ сущности, къ *непрестанной брани* съ низшими влеченьями, инстинктами и страстями человѣка. Что эта „непрестанная брань“ не проходитъ безслѣдно, какъ не проходитъ безслѣдно ни одно активное усиліе человѣка, тѣмъ болѣе когда оно проявляется въ области духа, объ этомъ мы будемъ говорить позднѣе, а теперь мнѣ хотѣлось бы освѣтить причину, *почему* борьба съ низшей природой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, остается бесплодной, и съ какой бы силой ни подавлялись ея проявленія, она продолжаетъ снова и снова оживать къ великому смущенію и ужасу аскета. Можно цѣлыми годами держать свою низшую природу въ суровомъ повиновеніи, но стоитъ лишь ослабить напряженіе, разсѣяться, уклониться на время отъ борьбы съ ней, какъ она опять, со всѣмъ упорствомъ стихійной мощи, овладѣваетъ человѣкомъ. Всѣ исповѣди монаховъ переполнены этимъ мучительнымъ безсиліемъ въ борьбѣ со своими природными влеченіями, особенно съ сильнѣйшимъ изъ нихъ—съ половою страстью.

Теософія, проникающая своими знаніями въ несравненно большія глубины человѣческой души чѣмъ западная психологія, даетъ объясненіе этому кажущемуся безсилію человѣка. Въ дѣйствительности, безсиленъ не самъ человѣкъ, а лишь его способъ борьбы со своей низшей природой. Пока та или другая страсть еще не изжита, бесполезно изгонять ее: несмотря на всѣ усилія, она остается въ человѣкѣ, иногда притаившаяся въ скрытномъ мѣстѣ; уничтожить ее нельзя, потому что по закону духа наши страсти подлежатъ не *уничтоженію*, а *преображенію*.

Каждая человѣческая страсть имѣетъ два полюса: одинъ коренится въ животной природѣ человѣка и въ его самости, другой, противоположный, въ его божественной природѣ. Сознательное передвиженіе всѣхъ стремленій и желаній, свойствъ и страстей съ низшаго полюса къ высшему и составляетъ содержаніе внутренняго прогресса человѣка, его движенія къ духовности, къ богочеловѣчеству. Безошибочный признакъ того, что чело-

вѣкъ все еще стоитъ внизу—въ эгоистичности его страстей, и такой же безошибочный признакъ его приближенія къ верхнему полюсу—въ сверхличности его страстей, въ потребности выковать изъ нихъ сильное орудіе для служенія *не себя* и своему личному благополучію, а Богу, человѣчеству, всему міру, смотря по тому, на которую изъ этихъ идей устремлено сознаніе человѣка. Нижній полюсъ тянетъ къ разобщенію, къ самоутвержденію, къ принесенію всего и всѣхъ въ жертву своей личности. Верхній полюсъ ведетъ къ единенію, къ самоотреченію, къ принесенію себя и своихъ интересовъ въ жертву интересамъ цѣлаго, будетъ ли это „цѣлое“ являться человѣку какъ Богъ, какъ вселенная или какъ человѣчество. И вверху страсть остается той же страстью, могучимъ стимуломъ для дѣятельности, напрягающимъ всѣ силы человѣка, устремляющимъ его къ героической борьбѣ ради достиженія желаннаго. И только полное невѣдѣніе жизни духа и ея законовъ могло создать наивное представленіе о духовныхъ переживаніяхъ какъ о чемъ-то блѣдномъ, безкровномъ, противоположномъ „захватывающей красотѣ яркихъ земныхъ страстей“. Въ дѣйствительности, самая яркія земныя страсти—лишь блѣдное отраженіе тѣхъ пламенныхъ переживаній, которыя опаляютъ человѣческое сердце на горныхъ высотахъ духа, сжигая въ немъ все личное и преобразуя его въ могучій очагъ непреодолимой нравственной силы и сверхличной любви. Вотъ почему бесполезно *убивать* страсти. Страсти бессмертны, онѣ могутъ лишь очищаться и подниматься, изъ животныхъ преобразоваться въ человѣческія, изъ человѣческихъ въ божественныя, и это достигается или постепенно, черезъ страданія и радости, черезъ борьбу и испытанія многочисленныхъ земныхъ воплощеній человѣка, или же черезъ ускоренный и, вслѣдствіе этого, страшно напряженный внутренній трудъ, быстро сжигающій всѣ нечистыя примѣси страстей, на что способны лишь немногіе сильные духомъ, далеко опередившіе остальныхъ людей. Для этихъ немногихъ сильныхъ, проходящихъ черезъ процессъ очищенія съ невѣроятнымъ для обыкновеннаго человѣка напряженіемъ *всѣхъ* жизненныхъ силъ, аскетизмъ необходимъ: иначе организмъ не выдержитъ напряженія. Но прошедшіе черезъ такой огонь не проклинаятъ человѣческую природу, они любятъ и все прощаютъ, потому что все понимаютъ, и лишь зовутъ людей на высоту, гдѣ злая борьба и разъединеніе замѣняются чуднымъ миромъ, любовью и прощеніемъ. Всѣ же проклинаящіе земную жизнь, всѣ человѣконенавистники самымъ настроеніемъ своимъ доказываютъ, что они не достигли цѣли, не

смогли убить своих эгоистических страстей и, побѣжденные, возненавидѣли самую природу человѣческую. Для этихъ еще не пробилъ часть, и они еще такъ далеки отъ преображенія въ божественную чистоту, что для нихъ полезнѣе было бы устремить свои силы на *очеловѣченіе* своихъ страстей, а это достигается легче всего благодаря земнымъ привязанностямъ, черезъ семью и бракъ, черезъ сильную любовь къ близкимъ и особенно къ женщинѣ. Въ этой сильнѣйшей изъ страстей человѣческихъ особенно ярко выражается ступень, до которой достигла совѣсть человѣка: для дикаря съ еле пробудившимся сознаниемъ исключительно чувственное отношеніе къ женщинѣ не вызоветъ угрызенія совѣсти, но какъ только человѣкъ поднялся надъ стихійною жизнью животнаго, такое отношеніе становится грѣхомъ, потому что онъ *можетъ относиться лучше*.

Какъ часто приходится слышать со всѣхъ сторонъ жалобы на тяжесть жизни, на море несправедливости, на сгущающуюся тьму... Въ отвѣтъ на всѣ эти жалобы хотѣлось бы посоветовать всѣмъ недовольнымъ провѣрить этимъ точнѣйшимъ изъ всѣхъ показателей состояніе своей собственной совѣсти... Пока большинство находитъ терпимымъ сохранять въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ несправедливость и грѣхъ, до тѣхъ поръ и вся жизнь не можетъ подняться и очеловѣчиться, потому что *въ этомъ* корень и основа общественной этики.

Пока человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ (и обратно) стремится къ собственной усладѣ, онъ еще не поднялся на человѣческую ступень. На человѣческой ступени животная страсть преобразуется въ личную любовь, которая стремится прежде всего къ счастью и удовлетворенію любимаго существа и лишь черезъ это счастье и удовлетвореніе получаетъ свою усладу. На слѣдующей, высшей ступени личная страсть уже не въ состояніи удовлетворить расширившееся и просвѣтленное сердце: она преобразуется въ сверхличную любовь, чаще всего къ божественному Идеалу, иногда къ человѣчеству, ко всему міру. Сила, вѣрность и блаженство этой преображенной страсти превышаютъ личную страсть на столько же, насколько послѣдняя превышаетъ животную. Въ поэмѣ *Іоаннъ Дамаскинъ* дается намѣкъ на силу и восторгъ такой сверхличной страсти; здѣсь передъ нами уже побѣдитель, переплавившій всѣ личныя влеченія въ одну необъятную радость достигнутаго слянія частичной своей жизни съ жизнью всего міра. „О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я, всю душу вмѣстѣ съ вами слить... о, еслибъ могъ въ мои объятья, я васъ, враги,

друзья и братья, и всю природу заключить!" А далѣе поэтъ такъ выражаетъ пламенное стремленіе любящаго сердца, его жажду отдать себя: „Зачѣмъ я не могу нести, о, мой Господь, Твои оковы, Твоимъ страданіемъ страдать и крестъ на плечи Твой пріять и на главу вѣнецъ терновый! О, еслибъ могъ я лобызать лишь край святой Твоей одежды, лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ, о, мой Господь, моя надежда, моя и сила и покровъ... Тебѣ хочу я всѣ мышленья, Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать, и думы дня, и ночи бдѣнья, и сердца каждое бѣенье, и душу всю мою отдать!" Не отраженіемъ ли этого чистаго восторга служатъ лучшія земныя переживанія человѣка, его жажда отдать себя, свои силы, свою нѣжность и „сердца каждое бѣенье“, которыя онъ испытываетъ на зарѣ чистыхъ радостей своей первой любви? Это тѣ моменты, когда человѣку удается на мгновенія разрушить стѣны, отдѣляющія его личное я отъ жизни другого я—моменты, которые даютъ лишь слабое понятіе объ огненной силѣ, могучей полнотѣ и блаженствѣ истинной жизни, когда индивидуальность сливается съ жизнью остальнаго міра и, содрогаясь отъ ея безбрежности, принимаетъ въ свои объятія „и въ полѣ каждую былинку и въ небѣ каждую звѣзду!"

Такимъ образомъ выясняется, что прямая цѣль монашескаго аскетизма, уничтоженіе страстей, не можетъ быть достигнута: по законамъ духа человѣческія страсти не уничтожаются, а преобразуются или очень медленнымъ путемъ естественной эволюціи, или же огромнымъ напряженіемъ и такой героической борьбой, на какую способны лишь очень немногія, исключительныя натуры. Но, какъ я уже упомянулъ, ни одно усиліе человѣческой воли не проходитъ безслѣдно, и монашескій аскетизмъ, несмотря на всю его видимую бесплодность, все же оставляетъ большіе и цѣнные слѣды въ невидимой лабораторіи внутренняго творчества. Если принять ученіе Теософіи о многочисленныхъ существованіяхъ на землѣ, тогда становится яснымъ, что аскетизмъ монаха, вся его трудная борьба съ своеволіемъ своей временной личности, то что называется „послушаніемъ“, а такъ же и точное соблюденіе строгаго устава жизни, должны отразиться въ будущемъ воплощеніи сильно выросшей волей, самообладаніемъ и настойчивостью въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, а мы знаемъ, насколько эти свойства дѣлаютъ земную дѣятельность болѣе цѣнной и болѣе энергичной; можно навѣрно сказать, что чѣмъ искреннѣе, неуклоннѣе

и строже былъ аскетизмъ монаха, тѣмъ энергичнѣе и активнѣе будетъ его земная дѣятельность въ слѣдующемъ воплощеніи.

Насколько великъ трудъ истиннаго монаха, въ этомъ мы можемъ убѣдиться каждый разъ, когда намъ приходится отвыкать отъ какой нибудь установившейся привычки, или когда что либо заставляетъ насъ упорядочить сызнова строй нашей жизни. Иногда нездоровье требуетъ полной перемѣны въ распредѣленіи нашего дня, и мы всѣ знаемъ, до чего трудно бываетъ справляться со своими недисциплинированными желаніями. Сейчасъ мнѣ вспоминается знакомый, очень дѣятельный инженеръ, которому врачъ—какъ спасеніе отъ развивающейся болѣзни—прописалъ правильное вставанье и утреннюю прогулку; забавно было слышать, какъ этотъ энергичный, всегда властный человѣкъ стоналъ: „Это хуже всякаго Мукдена! Легче неприступную крѣпость взять, чѣмъ продѣлывать надъ собой такое насиліе!“ И отказался, объявилъ что *не* въ состояніи превозмочь себя.

Аскетическій строй жизни со строгой дисциплиной и постояннымъ принужденіемъ себя не къ тому, чего хочется, вырабатываетъ чрезвычайно цѣнный *ритмъ* въ организмѣ; и рядомъ съ этимъ, постоянная борьба аскета съ нежелательными мыслями и эмоціями, и необходимая для этого *внутренняя собранность* является такимъ могучимъ средствомъ для развитія воли, равнаго которому не найти въ современной жизни. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы монастыри, въ какую бы форму они ни вырождались, были явленіемъ желательнымъ. Въ нихъ, рядомъ съ положительной стороной, которая достигается одинаково и внѣмонастырскимъ аскетизмомъ, развилось столько отрицательныхъ сторонъ, что враждебное отношеніе къ нимъ сознательной части общества вполне заслужено. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, монастыри имѣютъ огромное значеніе: пока монастыри еще существуютъ и продолжаютъ притягивать къ себѣ народъ, необходимо понять, *въ чемъ* заключается тайна этого притяженія. Тайна эта въ томъ, что только сверхличныя, т. е. религіозныя идеи имѣютъ силу вдохновлять людей, вести ихъ впередъ, утолять ихъ духовный голодь. И пока стремящіеся обновить русскую жизнь и двинуть ее впередъ не внесутъ въ народную жизнь сверхличныхъ, т. е. религіозныхъ идей, народъ будетъ проходить мимо нихъ, жадно розыскивая хлѣбъ жизни въ скитахъ и монастыряхъ.

Въ предпоследнемъ письмѣ мнѣ приходилось говорить съ моими читателями о томъ, какое великое значеніе Теософія придаетъ земной дѣятельности человѣка; но въ то же время она

учить, что нравственно недисциплинированный человекъ, не подчинившій свою личную волю *авторитету сверхъличныхъ идей*, ничѣмъ не огражденъ отъ того, чтобы его дѣятельность не приняла характеръ эгоистической, а слѣдовательно и неправедный. Вотъ почему во всѣхъ эзотерическихъ школахъ, гдѣ посвященнымъ ученикамъ довѣрялись опредѣленные методы духовнаго саморазвитія и передавались тѣ ученія, которыя въ наше время обнаружены впервые подъ именемъ теософическихъ, аскетизмъ, несмотря на то, что ученикъ оставался въ мирѣ, входилъ всегда какъ необходимое условіе духовнаго роста. Въ главныхъ своихъ чертахъ онъ совпадаетъ съ высшими ступенями аскетизма, которому слѣдовали и христіанскіе подвижники, но цѣль его опредѣляется иначе: личное усовершенствованіе признается не цѣлью, а лишь *средствомъ для служенія міру*. Въ кругъ такого аскетизма входитъ одинаково какъ очищеніе тѣла, такъ и очищеніе мыслей и чувствъ человека. Для очищенія тѣла требуется полное воздержаніе отъ мясной пищи и отъ алкоголя; это—первая ступень, не перейдя которую нельзя вступить въ область истинно духовной жизни: нельзя уже потому, что мясная пища и алкоголь вызываютъ въ тѣлѣ грубыя вибраціи, убивающія тонкія проявленія жизни духа, и построенные изъ грубыхъ матеріаловъ, мозгъ и нервная система не въ состояніи стать хорошими проводниками энергичныхъ и быстрыхъ вибрацій высшей жизни. Кромѣ того, расширяющееся сознаніе ученика, сильно раздвигая границы его сочувствія, вызываетъ такое бережное отношеніе ко всякой чужой жизни, при которомъ убивать животное для своего питанія или косвенно содѣйствовать этому убійству становится уже *невозможнымъ*. Рядомъ съ чистой пищей и умѣренностью въ ѣдѣ требуется и опредѣленный ритмъ жизни, строгій порядокъ въ чередованіи бодрствованія и сна, работы и отдыха. Безъ введенія строгаго порядка въ дѣятельности организма послѣдній не можетъ стать послушнымъ орудіемъ духа. Чѣмъ безпорядочнѣе и произвольнѣе образъ жизни, тѣмъ деспотичнѣе становится тѣло, что мы и видимъ въ высшихъ классахъ общества, которые привыкаютъ жить въ полномъ рабствѣ у своихъ физическихъ вкусовъ, прихотей и влеченій и отдають большую часть своего времени и силъ на ихъ удовлетвореніе. Здѣсь мы опять имѣемъ двѣ сходящіяся крайности: монашество грѣшитъ тѣмъ, что оправдываетъ *недѣланье* ради *усмиренія* своей плоти, а современный матеріалистическій строй грѣшитъ тѣмъ, что оправдываетъ *чрезмѣрное дѣланье* ради *удовлетворенія* своей плоти. И то, и другое одинаково чуждо

истинной духовности. Истинная духовность требует не *гоненія* на плоть и не *обожествленіе* плоти, а *преображенія* ея въ совершенное и послушное орудіе духа. Изъ полнаго подчиненія тѣла духовному началу человѣка въ немъ вырастаетъ такая могучая сила, о размѣрахъ которой мы можемъ судить лишь приблизительно по тѣмъ святымъ подвижникамъ и великимъ основателямъ религій, которые, побѣдивъ себя, становились учителями и руководителями человѣчества. И все же, несмотря на всю свою самоотверженную любовь къ людямъ, и они стремились въ уединеніе и всѣ избѣгали людского шума. Останавливаюсь на этой чертѣ потому, что такъ часто раздаются несправедливые упреки: *почему* святые предпочитаютъ спасаться въ лѣсахъ и пустыняхъ вмѣсто того, чтобы жить въ тѣсномъ общеніи съ людьми? На *очень* высокой ступени развитія это не возможно, потому что у вполне очистившагося человѣка развивается такая утонченная чувствительность, которая дѣлаетъ для него невыносимыми грубыя вибраціи большихъ городовъ. Даже Францискъ Ассизкій, весь горѣвшій нѣжнѣйшей любовью къ людямъ, особенно къ угнетеннымъ и грѣшникамъ, и тотъ не могъ оставаться среди городского шума, а выбралъ для себя и своихъ учениковъ уединенную хижину вдали отъ города, поближе къ „сагсегі“, къ тѣмъ лѣснымъ гrotтамъ, высѣченнымъ природой въ городѣ Субозіо, которые были почти недоступны по крутизнѣ вьющихся къ нимъ тропинокъ; туда онъ удалялся отъ времени до времени, чтобы остаться наединѣ съ Богомъ и съ своей душой. Иначе физическій организмъ, потрясаемый грубыми вибраціями окружающей жизни, не смогъ бы удержать ту собранную цѣльность и гармонію и тотъ тихій свѣтъ сверхличной любви, которымъ живетъ побѣдившій духъ человѣка. Безъ этихъ признаковъ нѣтъ истинной духовности, безъ нихъ не достигнута еще побѣда. Побѣдитель свѣтитъ своей ясностью и своей любовью. Словами яснаго Франциска Ассизкаго и закончу это письмо къ моимъ читателямъ. Онъ не любилъ мрачныхъ лицъ и, замѣтивъ грустное лицо у своего ученика, сказалъ ему: „если ты совершилъ какой-либо грѣхъ, раскаивайся въ немъ, когда останешься наединѣ съ Богомъ. Съ людьми же сохраняй ясность духа, ибо не должно имѣть угрюмаго лица, когда находишься на службѣ у Господа“.

Другъ читателя.